

ВОЛОСЫ И МАСТЕРА

Известного театрального художника Сергея Бархина любителям сценического искусства представлять не надо. В 1993 году Сергей стал лауреатом Государственной премии России. Но, вместо того чтобы наслаждаться лаврами своей основной профессии, он неожиданно явил нам новый талант. Миниатюра, предлагаемая вашему вниманию, публикуется нашей газетой впервые.

генералов, всегда лысых, как бильярдный шар, кроме красавца Тухачевского. Они, кажется, ввели это в моду, опасаясь вшей. Один он ничего не боялся.

Все эти годы я менял парикмахерские, а иногда ходил туда каждую неделю. Кажется, в 1955 году это был давно сломанный Гранд-отель, где был испанец Санчес, потом «Савой-Берлин», иногда это был «Будапешт», первая парикмахерская с «Российскими винами» на улице Горького, и, наконец, в 1964 году я остановился на только что построенном и откровенно «Минске». Все парикмахерские были при отелях, где иногда поселялись редкие иностранцы, и это приближало меня на один сантиметр к Западу, к западному стилю в моем воображении. В «Минске» и обедал, и стригся, и брился. Ходил я к одному мастеру — госпоже Т., предварительно с ней созваниваясь, чтобы важно пройти мимо очереди. В эти дни я одевался в самое лучшее. Я просил ее сделать со мной все, что она умеет. Она меня стригла, подбривала, мыла голову, а заодно и лицо и уши, обливала одеколоном, смазывала чем-то, сушила, обдавала лаком, брила, делала компресс, массаж, пудрила и

Побрить голову. Думаю, что в Москве до меня этого тогда не сделал еще никто. Может быть, стриглись, но не брились. Мастер — госпожа Т. очень удивилась и долго меня уговаривала не делать этого, может быть, решив, что я по меньшей мере сбрендил и буду упрекать потом и жалеть. И поэтому она состригала волосы постепенно, все время спрашивая: может быть, хватит?

И вот я иду по улице Горького в зайцевском с золотыми пуговицами блейзере из бостона винного пурпурного цвета в белых джинсах и абсолютно лысый. Все шарахаются от меня, хотя и еще не знают, что в скором времени так будут ходить экстремисты. Я едва сдерживаюсь, чтобы беспрерывно не трогать голый и чужой шар головы руками, морщина кожу между пальцами. Жаркий полдень, а я чувствую всей головой непередаваемый холодок, ужас и гордость. Чувствую себя гоголевским Носом на гоголевском же Невском проспекте. Так брился я раз шесть, предварительно отпуская волосы как можно длиннее. На иронические укоры — «что ты постригся, как заключенный»? — я высокомерно отвечал: один видит в бритом заключенного, а другой — буддийского монаха, как бы тонко намекая на то, что собеседнику знаком только мир концлагеря, а мне суть буддизма. Мой приятель А. Великанов, возможно, справедливо назвал это каким-то эксгибиционизмом, но мне даже думается, что в этом выражалось или даже замещалось мое тайное влечение к самоубийству, ибо этим актам предшествовали какие-нибудь крупные неприятности, скандалы и даже трагедии. Побрившись, я как бы начинал новую жизнь.

Помню, я, будучи в сильном напряжении и волнении, побрился в 1970 году в день премьеры «Чайки» в «Современнике», надел какой-то полусуитинг-полувазитуку тоже от Зайцева и так вышел на поклонны. Так как я прирожденный органик и профессионал Театра, я вышел в свет самого яркого прожектора, по свидетельству художника по свету Ишкова, и как будто солнце засияло. Позже Олег Ефремов якобы говорил, что я ему испортил этим, да и специально плохой декорацией премьеру. Перед самым началом спектакля в служебном коридоре я столкнулся, я бы даже сказал, со мной столкнулся режиссер Сергей Герасимов, тоже абсолютно лысый, но от старости и ума. Я с удовольствием прочел в его глазах испуг и восторг, так он выпучил их, и глаза, и жесткие усы. Думаю, что ему я испортил впечатление от «Чайки», наверное.

Сергей БАРХИН.

Фотографию автора этих строк сделал сам А. П. Васильев, мэтр отечественной сценографии.

Как у всех стилист второго сорта (по недостаточному возрасту и неактивности доставать «фирму») 1954-го и последующих годов, у меня надолго осталась любовь заметно и экстравагантно одеваться. По Фрейдю в этом наверняка есть что-то женское, но, возможно, что-то мужское проявилось у меня в моей любви к парикмахерским. Недавно я сообразил, что в парикмахерских теперь не бреют, как уже давно не делают парики. Удовольствия этого земляне лишились навеки — пришел СПИД, но вдруг этой связи никто не заметил и не записал?

Отказались брить меня впервые в городе София в 1988 году. А побрили впервые в Москве в 1954 году в захолустной парикмахерской, расположенной рядом с домом Шехтеля на Смоленской площади. Стригся же во время школы я дома. К папе приходил старенький парикмахер Андрей Иванович, который стриг и меня. И я сначала пытался сделать с ним

кок, потом, уже во время института, упрямил его постричь меня под Керенского — ежиком, потом мне так понравились римские императоры на монетах (Аникст коллекционировал), что я стал зачесывать волосы на лоб, потом под обросшего Маяковского, потом под заключенных.

Дедушка всегда подсмеивался — «под римских императоров»... Как ни странно, в причёске я всегда был впереди моды. Я ее чувствовал заранее, и мои причёски приходили потом для многих. В 1966 году, будучи в золотоискательской экспедиции на Алтае, я решил отпустить волосы и попросил прислать мне фотографию битлов. Постепенно, за пару лет волосы отросли длиннее, чем у самих битлов и чем я видел у кого-либо. В провинциальных гостиницах меня принимали за священника. Волосы стали тяготить меня. Стригся наголо я и раньше, но в этот раз я решил наголо побриться, вспоминая довоенных сталинских

Бог знает что еще. Я держал кисти рук на подлокотниках, обхватив их, и чувствовал ее плотный теплый живот. Один раз она даже спросила меня, не пробовал ли я целоваться весь-весь от пальцев рук и ног и весь-весь. Я плохо понял, хотя уже был большой дурак. Во время ее работы я, блаженствуя, сидел с закрытыми глазами и за эти сорок минут мысленно перебивал и римским императором, и Евгением Онегиным, и Эдди Барлетом из «Судьбы солдата в Америке», и Кторовым из «Процесса о трех миллионах» — всеми с ухоженными головами. Я приходил туда, когда мне было одиноко, когда я хотел выпить, перед вечерним посещением ресторана, когда я был обижен или самодоволен. Все счастье стоило три рубля.

Так вот я решил побриться.